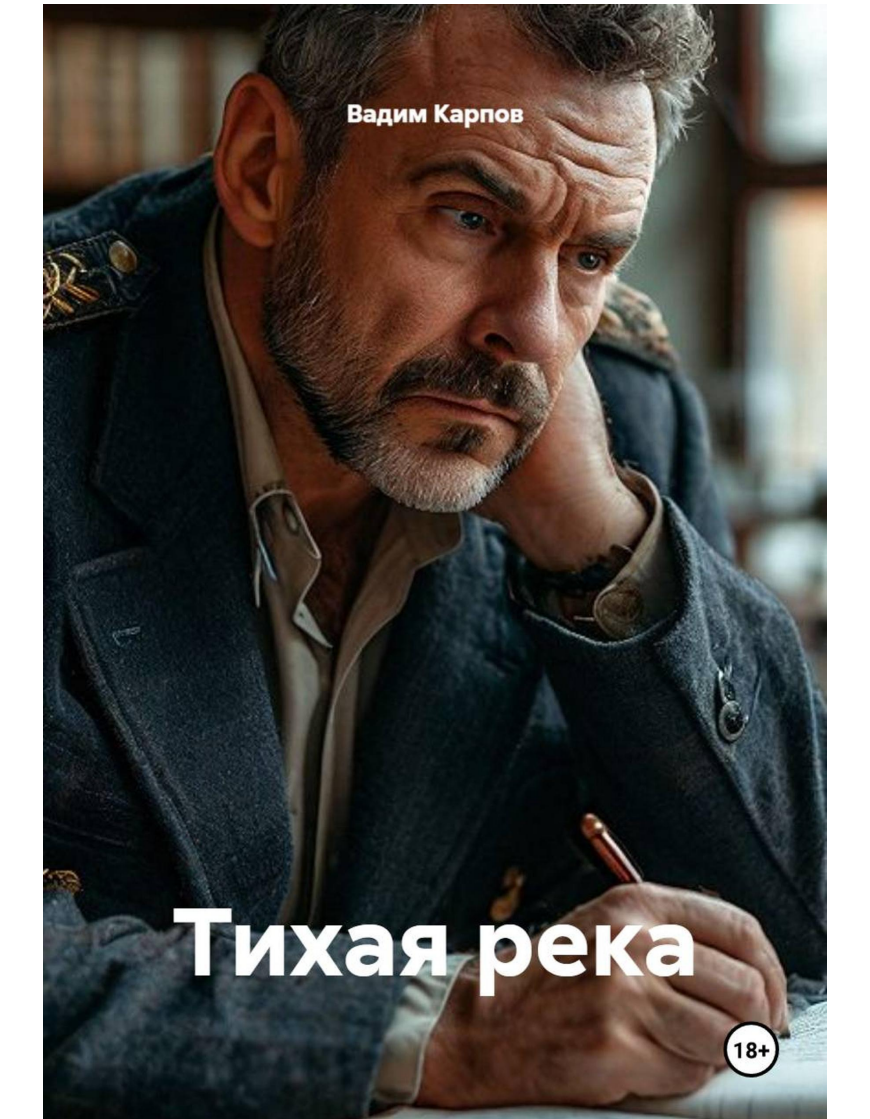

Вадим Карпов

Тихая река

18+

Вадим Карпов

Тихая река

<https://litres.ru/74276072>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Логинов плавать не умел. Он воды боялся. Никогда бы сам в реку не полез».

Эти слова старого Деда Сидорова заставляют майора Горелова усомниться в официальной версии. Если бизнесмен не мог утонуть сам, значит, ему помогли. Но кто? И почему всё местное начальство так торопится закрыть дело?

Грязевск — город, где все друг друга знают. Где за облупленными фасадами прячутся тёмные тайны. Где местный олигарх давно подменил собой закон. Горелов — чужак, которого здесь не ждали. Он неудобный, упрямый и, кажется, совсем не боится смерти. Но когда он нащупает нить, ведущую к правде, ему придётся выбирать: отступить и выжить — или идти до конца и потерять всё.

«Тихая река» — роман о том, что справедливость не приходит сама. За неё нужно драться.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Добро пожаловать в Грязевск	7
Глава 2. Река и мертвец	19
Глава 3. Первый след	28
Глава 4. Первые зацепки	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вадим Карпов

Тихая река

Пролог

Дождь начался сразу после полуночи — мелкий, противный, он барабанил по ржавой крыше заброшенного склада и размывал глинистый берег реки Чернушки. В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Но люди, собравшиеся на старом причале, были не из тех, кого волнует погода.

Их было двое. Один — коренастый, с бычьей шеей и руками, похожими на кувалды, — стоял, прислонившись к ржавой опоре, и лениво курил, стряхивая пепел в тёмную воду. Второй — тощий, нервный, с бегающими глазами — мялся у края причала и то и дело оглядывался через плечо, хотя вокруг на милью не было ни души.

Между ними на коленях стоял человек. Дорогой костюм его был перепачкан грязью, галстук сбился набок, руки стянуты за спиной обрывком верёвки. Он дрожал — то ли от холода, то ли от страха, а может, от того и другого сразу. Во рту у него был кляп, и он мычал что-то неразборчивое.

Коренастый затанулся в последний раз, бросил окурок в

воду и неторопливо, даже с какой-то ленцой, подошёл к стоящему на коленях.

— Ну что, Дима, — произнёс он почти ласково, — договорились мы с тобой или как?

Человек на коленях замычал громче, замотал головой. В глазах его плескался ужас.

— Вот и я говорю — договорились, — кивнул коренастый. — Ты, Дима, сам виноват. Не лез бы куда не просят — жил бы долго и счастливо. А теперь всё.

Он достал из-за пояса пистолет — старый, но ухоженный ПМ. Приставил к затылку жертвы. Выстрел прозвучал негромко, почти буднично, и тело мешком рухнуло на гнилые доски.

Тощий нервно вздрогнул и перекрестился.

— В воду его, — скомандовал коренастый. — И поехали. Здесь воняет.

Они подняли тело и сбросили в реку. Тёмная вода сомкнулась над ним без всплеска, только круги пошли по маслянистой поверхности.

Через минуту на причале уже никого не было. Только дождь продолжал барабанить по ржавой крыше, смывая следы.

Тремя часами позже в другом конце города, в тесной комнатухе с обшарпанными обоями и продавленным диваном, человек проснулся от собственного крика. Он сел на крова-

ти, тяжело дыша и вытирая холодный пот со лба. Ему снова снился тот самый сон — причал, выстрел, тело, падающее в воду. Только на этот раз тело было его собственным.

Человека звали Иван Семёнович Свиридов. Он работал бухгалтером у Дмитрия Логинова и знал то, чего не должен был знать. А теперь его босс мёртв, и он понимал, что следующий — он.

Он встал, подошёл к окну и выглянул на улицу. У фонаря стояла чёрная машина, которой раньше здесь не было. В салоне горел огонёк сигареты.

Свиридов отдёрнул штору и прижался спиной к стене.

«Они уже здесь», — подумал он. — «Господи, они уже здесь».

Утром следующего дня в кабинет начальника РОВД капитана Коломийца вошёл новый опер. Он был высок, широкоплеч, с тяжёлым взглядом и сединой на висках. Фамилия его была Горелов, и он ещё не знал, что это утро изменит всё — и для него, и для города, в который его сослали умирать.

Глава 1. Добро пожаловать в Грязевск

Автобус был старый, обшарпанный «Икарус» с треснувшим лобовым стеклом и табличкой «Столинск — Грязевск» за мутным окном. Он кашлянул двигателем, выпустил облако сизого дыма и замер у облупленного здания автостанции с таким видом, будто сам не верил, что доехал. Артём Горелов, кряхтя, выбрался из салона. Шесть часов дороги по разбитому асфальту давали о себе знать: спина затекла, ноги занемели, а во рту стоял привкус дешёвого растворимого кофе, который он выпил на остановке в каком-то полузаброшенном посёлке.

Он поставил сумку на землю и огляделся.

Грязевск. Город, в который его сослали. Город, о котором он ничего не знал, кроме того, что он находится где-то в двухстах километрах от Столинска и что туда не ходит даже электричка. В управлении, когда вручали приказ о переводе, кадровик, не поднимая глаз, буркнул: «Грязевск. Там тихо. Будешь бумажки перебирать. Может, одумаешься». Горелов тогда ничего не ответил. Одумываться ему было не с чего — сынок замминистра сам нарвался, и ломать ему челюсть было, пожалуй, единственным поступком за последние годы, о

котором он не жалел.

Автостанция представляла собой приземистое одноэтажное здание из серого силикатного кирпича, построенное, судя по облупившейся лепнине над входом, ещё в те времена, когда такие строили по всему Союзу. Два окна из трёх были заколочены фанерой. Над входом висела табличка «Автостанция», но буква «т» отвалилась, и теперь надпись читалась как «Автос анция», что придавало ей какой-то инопланетный оттенок.

Рядом с автостанцией притулился ларёк с вывеской «Хлеб-Молоко», на ступеньках которого дремал бомж. Он сидел, привалившись к картонной коробке с надписью «Тара», и посапывал. На нём было драное пальто неопределённого цвета и шапка-ушанка, несмотря на августовскую духоту. У ног его стояла пустая бутылка, а рядом лежала обгрызенная краюха хлеба, которую уже начали атаковать местные голуби.

Чуть поодаль, у ржавой «Лады», которая, казалось, держалась исключительно на честном слове и изоленге, курил таксист. Это был мужик лет пятидесяти, в замызганной кепке и растянутой футболке с надписью «Спорт», которая явно знавала лучшие времена. Он лениво наблюдал за прибывшими пассажирами, но, увидев Горелова, оживился.

— Такси, командир? — Голос у него был прокуренный, низкий, с характерной хрипотцой.

— Пешком дойду. РОВД далеко?

— РОВД-то? — Таксист усмехнулся, обнажив неровные зубы, и сплюнул под ноги. — Прямо иди, никуда не сворачивай. У памятника Ленину налево, и ещё прямо, пока в серую трёхэтажку не упрёшься. Там вывеска. Не заблудишься — тут блудить негде.

— Спасибо.

— Да не за что. — Таксист затянулся. — Ты это, командир, если что — обращайся. Я тут всех знаю. Могу в Столинск отвезти, если надумаешь свалить отсюда. Недорого.

— Я только приехал.

— Это пока. — Таксист хмыкнул и отвернулся, потеряв к нему интерес.

Горелов закинул сумку на плечо и зашагал по улице. Город встретил его серым небом и серыми же лицами. Улицы, мощённые ещё в советское время, были в выбоинах, в которых после вчерашнего дождя стояла мутная вода. Дома — двухэтажные, деревянные, с покосившимися заборами — тянулись вдоль дороги. Кое-где на окнах ещё сохранились резные наличники, но в основном их заменяли пластиковые стеклопакеты, которые смотрелись чужеродно, как золотые коронки во рту у бомжа.

На одном из заборов кто-то мелом написал «Барсуков — вор». Буквы были кривые, детские, но слово «вор» кто-то уже пытался зачеркнуть, и теперь поверх него темнело жирное пятно. Горелов на мгновение задержал взгляд на надписи, но ничего не сказал. Он уже понял: в этом городе есть

свои тайны, и одна из них явно связана с человеком по фамилии Барсуков.

У памятника Ленину — стандартная бетонная фигура с протянутой рукой, указывающей куда-то в сторону заводских корпусов на восточной окраине, — действительно сидели алкаши. Их было трое. Один, в застиранной футболке, спал, положив голову на скамейку и прикрыв лицо кепкой. Двое других негромко переговаривались, передавая друг другу бутылку, завёрнутую в газету. Завидев Горелова, они замолчали и проводили его долгими, оценивающими взглядами.

— Мужик, закурить не будет? — спросил один из них, когда Горелов поравнялся с памятником.

— Не курю.

— А выпить?

— Тоже нет.

— Тогда счастливо. — Алкаш пожал плечами и снова повернулся к собутыльнику. — Слышь, Колян, а помнишь, как Петрович в прошлом году с моста сиганул? Говорили — пьяный был, а я тебе точно скажу: он трезвый был. Просто долги у него были, вот он и...

Дальше Горелов слушать не стал. Он свернул налево и зашагал по улице, которая, судя по указателю, называлась Советской. Здесь было чуть более оживлённо: у продуктового магазина стояли две женщины с авоськами, у парикмахерской курила девушка в синем халате, а у входа в аптеку сидел

старик с тростью и грелся на скупом августовском солнце.

РОВД показалось в конце улицы — серая трёхэтажка с облупленной вывеской «Районное управление внутренних дел». Буквы «т» и «д» в слове «внутренних» отвалились, и теперь надпись читалась как «вну ренних», что придавало ей почти философский смысл. У входа стояла одинокая «буханка» с логотипом полиции, на капоте которой спал рыжий кот. Кот был толстый, ленивый и, судя по довольной морде, чувствовал себя здесь полноправным хозяином.

Внутри пахло хлоркой, старыми бумагами и застарелым куревом — запах, знакомый Горелову по десяткам таких же отделов, в которых ему доводилось бывать. Холл был пуст, если не считать стойки дежурного, за которой сидел молодой парень с прыщавым лицом и уныло листал что-то в телефоне. Увидев вошедшего, он оторвался от экрана и зевнул.

— Вы к кому?

— Я новый опер. Фамилия Горелов.

— А-а-а, — парень поскущел. — Вас ждали. Капитан Коломиец у себя, второй этаж, дверь налево. Там табличка. Только вы это... постучите сначала. Он не любит, когда без стука.

— Учту.

Горелов поднялся по скрипучей лестнице. Ступени жалобно стонали под его весом, и он подумал, что здесь, наверное, даже мыши ходят тише, чем люди. На втором этаже было темно — половина ламп не работала, а те, что горе-

ли, мигали с такой частотой, что у эпилептика случился бы припадок. На стенах висели стенды с фотографиями сотрудников и графиками раскрываемости. Графики были старые, за прошлый год, и никто не потрудился их обновить. В углу стояло ведро, в которое с потолка мерно капала вода — кап, кап, кап, — и этот звук действовал Горелову на нервы.

Он нашёл нужную дверь — табличка гласила: «Капитан С. И. Коломиец» — и постучал.

— Войдите! — раздался сиплый голос.

Кабинет Коломийца оказался именно таким, каким Горелов его себе представлял по рассказам о провинциальных отделах. Тесный, прокуренный, с пожелтевшими от времени обоями и продавленным диваном у стены. На столе, заваленном бумагами, стоял гранёный стакан с чаем, вставленный в мельхиоровый подстаканник, и пепельница, полная окурков. Рядом с пепельницей лежала раскрытая папка с какими-то документами и надкусанный бутерброд с колбасой.

Капитан Коломиец сидел за столом и, когда Горелов вошёл, поднял на него глаза. Это был грузный мужчина лет пятидесяти с лишним, с мятым лицом и седыми усами, которые он то и дело нервно подёргивал. Китель висел на спинке стула, а сам капитан был в несвежей рубашке с подозрительным пятном на животе — не то от супа, не то от чего похуже.

— Горелов, стало быть, — произнёс он, окинув вошедшего оценивающим взглядом. — Из Столинска к нам? Понизили, значит.

— Понизили, — подтвердил Горелов, усаживаясь на жёсткий стул напротив.

— За что?

— Сломал челюсть одному козлу.

Коломиец хмыкнул и отхлебнул чаю.

— Это я слышал. Сынок замминистра, да?

— Он самый.

— Ну, бывает. — Капитан вздохнул и отставил стакан. — Ладно, чего уж теперь. Дела принимать будешь?

— Буду.

— Тогда слушай. — Коломиец подался вперёд, опершись локтями о стол. — У нас тут, сам понимаешь, не столица. Раскрываемость — процентов сорок, и то если повезёт. Народ тихий, но дурной. В основном пьяные драки, кражи, бывает, самогон гонят. Убийства — редкость. Последнее было год назад, и то по пьяни: мужик жену топором зарубил, а потом сам в петлю полез. Мы его уже мёртвого нашли. Так что у нас тихо. — Он помолчал. — И ещё. Ты это... запомни фамилию Барсуков. Антон Викторович Барсуков. У него тут всё — завод, рынок, администрация. Если вдруг всплывёт что-то, связанное с ним, — сразу ко мне. Не лезь поперёк бабки в пекло, понял?

— Понял, — ответил Горелов. — А что, часто всплывает?

Коломиец отвёл глаза и сделал вид, что поправляет бумаги на столе.

— Не часто. Но бывает. Ты человек новый, порядков не

знаешь. Так что слушай, что говорят старшие, и всё будет хорошо.

— Я учту.

— Ну и ладушки. — Капитан снова взялся за стакан. — Иди, принимай дела. Напарника тебе дам, лейтенанта Кораблёва. Молодой, дурной, но старательный. Может, ты из него человека сделаешь.

Горелов вышел из кабинета и спустился на первый этаж. В коридоре он увидел парня, который, судя по всему, и был лейтенантом Кораблёвым.

Дима выглядел так, будто только вчера выпустился из академии. Лет двадцати пяти, с аккуратной стрижкой, гладко выбритый. Форма на нём сидела как влитая, и было видно, что он сам её подгонял по фигуре — подшивал, утюжил, может, даже крахмалил. На поясе висел новенький планшет в чехле, а в руках он держал блокнот, который, как позже выяснилось, носил с собой постоянно. Увидев Горелова, он вытянулся по стойке «смирно», и на его лице отразилась смесь уважения и лёгкого испуга.

— Товарищ майор! Ой, то есть... господин Горелов! Лейтенант Кораблёв! Для вас — просто Дима!

— Для меня — лейтенант Кораблёв, — сухо ответил Горелов. — Пойдём. Расскажешь, что тут и как.

Они вышли на улицу. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая серые облака в рыжий цвет. Дима шагал рядом, стараясь держаться на полшага позади, и тараторил, пере-

числѣя всё, что знал о городе:

— Вот это — рынок. По четвергам тут фермеры торгуют, можете картошку купить, если надо. А вот это — парк культуры, там фонтан есть, только он не работает. Говорят, его в девяностые отключили, и с тех пор руки не доходят починить. Там ещё лавочки, молодёжь по вечерам собирается, но мы их не трогаем, они тихие. А это — Дом быта, там обувь чинят и ключи делают. Тётка, которая обувь чинит, всё про всех знает, так что если вам сплетни нужны — это к ней.

— Сплетни мне не нужны, — ответил Горелов.

— Тогда я не буду вам их рассказывать.

Они прошли ещё немного, и Горелов заметил вывеску «Пельмени от Мариши», нарисованную от руки. Буквы были неровные, но старательные, а рядом с ними красовалась улыбающаяся рожица. Из приоткрытой двери пахло мясным бульоном и свежей выпечкой.

— А это что?

— А, это. — Дима почему-то смутился. — Тут, это, не очень. Контингент сомнительный.

— В смысле?

— Ну, там дальнобойщики, алкаши, иногда местные бандиты заходят. Но Марина их держит в узде, так что драк почти не бывает.

— Тогда зайдём. Я есть хочу.

Внутри было тепло и пахло так, что у Горелова засосало под ложечкой. Несколько столиков, застеленных клеёнча-

тыми скатертями в красно-белую клетку, были заняты: двое мужиков в углу ели борщ, у окна сидел парень в дорожной куртке и пил чай, а у стойки топтался мужчина в спецовке, ожидая заказ. За стойкой, вытирая руки полотенцем, стояла женщина.

Она была лет тридцати пяти, может, чуть больше. Яркая, с тёмными волосами, собранными в небрежный пучок. Одежда в простое ситцевое платье и фартук, испачканный мукой. В глазах — хитринка. Увидев вошедших, она на секунду задержала взгляд на Горелове — не оценивающе, а с интересом, как будто пыталась понять, что за птица залетела в их края.

— Здравствуйте, — сказала она. — Новенький? Я всех в городе знаю, а вас не видела.

— Горелов. Опер.

— Марина. — Она улыбнулась, и улыбка получилась тёплой. — Будете пельмени?

— Буду. Двойную порцию.

— Сметана, уксус?

— Всё вместе.

Она скрылась на кухне и вернулась через несколько минут с дымящейся тарелкой. Пельмени были крупные, слепленные вручную, и пахли так, что Горелов на мгновение забыл обо всём. Он наколот первый, макнул в сметану и отправил в рот.

— Ну как? — спросила Марина, присаживаясь напротив.

— Лучшие пельмени в моей жизни.

— А то! — она улыбнулась. — Я их сама леплю. Секретный рецепт моей бабушки.

— И в чём секрет?

— Всё равно не скажу. — Она подпёрла голову рукой. — Так с чем пожаловали в нашу дыру? Из столицы, что ли?

— Сослали.

— За что?

— За правду.

Она усмехнулась.

— Ну-ну. У нас тут правда — дело такое. За неё могут и голову оторвать.

— Меня уже пытались. Не получилось.

В этот момент у Горелова зазвонил телефон. Он глянул на экран — Коломиец.

— Слушаю.

— Горелов, — голос капитана звучал глухо, как будто он прикрывал трубку ладонью. — У нас труп. В реке нашли. Рыбаки, на старом причале. Давай быстро туда, пока местные всё не затоптали.

— Выезжаю.

Горелов отложил ложку, бросил на стол купюру и поднялся.

— Куда? — спросила Марина.

— На работу. Спасибо за пельмени.

— Заходите ещё. Я тут каждый день с утра до вечера. Кро-

ме воскресенья.

Он вышел на улицу. Сумерки уже сгущались, и фонари, горящие через один, отбрасывали на тротуар длинные, дрожащие тени. Дима семенил рядом, на ходу проверяя, заряжен ли пистолет.

— Что за причал? — спросил Горелов.

— Старый, на восточной окраине. Там раньше баржи разгружали, а теперь одни рыбаки и наркоманы. Говорят, там ещё в девяностые несколько трупов находили.

— Час от часу не легче. Поехали.

Они сели в старенький служебный «Рено» и выехали в сгущающуюся тьму. Где-то вдалеке, за рекой, лаяла собака.

Глава 2. Река и мертвец

Старенький «Рено», дребезжа на каждой выбоине, выехал с центральной площади и покатил по разбитой дороге в сторону восточной окраины. Фары выхватывали из темноты покосившиеся заборы, чёрные провалы окон, одинокий фонарь, под которым старуха в платке выгуливала собаку — мелкую, лохматую, которая, едва увидев машину, залилась истерическим лаем.

Горелов сидел на пассажирском сиденье, уперевшись взглядом в дорогу. Дима вцепился в руль и нервно постукивал пальцами по ободу. Он явно хотел что-то сказать, но не решался.

— Что ты там говорил про причал? — спросил Горелов, не оборачиваясь.

Дима оживился, радуясь возможности нарушить тишину.

— Его ещё в восьмидесятых построили, при Союзе. Тогда завод работал на полную мощность, туда баржи с песком ходили. Речной порт, погрузочные краны — всё как положено. А потом, в девяностых, завод встал, финансирование кончилось, и причал стал никому не нужен. Краны растащили на металлолом, доски прогнили, администрация махнула рукой. Сейчас туда только рыбаки ходят, ну и... — он замылся. — Всякий сброд.

— Сброд — это кто?

— Бомжи, наркоманы. Иногда подростки за гаражами пиво пьют. Мы их гоним, а они всё равно возвращаются. Место тихое, никто не мешает.

— А что, в городе других мест нет?

— Есть, конечно. Но там, — Дима понизил голос, — говорят, ещё в девяностые несколько трупов находили. Коммерсантов каких-то. Но я тогда в школе учился, точно не знаю. Капитан говорил — старые дела, закрытые, нечего ворошить.

Горелов это запомнил. Старый причал, старые трупы, закрытые дела. Всё это укладывалось в знакомую схему: маленький город, большие деньги и кто-то, кто очень не хочет, чтобы правда выплыла наружу.

Машина свернула на грунтовку, идущую вдоль реки. Фонарей здесь уже не было — только свет фар, выхватывавший из тьмы кусты и ржавые остовы каких-то механизмов. Впереди, у воды, мерцали огни.

— Вот чёрт, — пробормотал Дима, глядя в темноту. — Там уже журналист.

— Какой ещё журналист?

— Илья Семёнов. Внештатный корреспондент «Грязевского вестника». Он везде лезет. Если что-то случается — он уже там, иногда даже раньше нас.

У причала, огороженного жёлтой лентой, толпились люди. Горелов насчитал не меньше дюжины: двое рыбаков в бре-

зентовых куртках, трое полицейских, пара криминалистов в белых комбинезонах и молодой парень с фотоаппаратом, который громко возмущался, пытаясь прорваться сквозь оцепление.

— Это он?

— Он. Сейчас начнёт качать права.

Журналист — худощавый, с копной непослушных волос и ссадиной на подбородке, одетый в потёртую кожаную куртку, — заметил Горелова и бросился к нему, размахивая фотоаппаратом.

— Вы старший? Это правда, что нашли тело Логинова? Это убийство? Кто подозреваемый? Почему полиция скрывает информацию?

— Тихо, — сказал Горелов спокойно, но так, что журналист осёкся. — Вы кто?

— Илья Семёнов, корреспондент. Я имею право...

— Вы имеете право не мешать следствию. — Горелов говорил ровно, без угрозы, но металл в голосе чувствовался. — Когда будет информация для прессы, мы её предоставим. А пока — отойдите за ленту и не путайтесь под ногами.

— Но...

— Лейтенант, проводи.

Дима взял журналиста под локоть и отвёл в сторону. Тот что-то кричал, но Горелов уже не слушал. Он перешагнул через ленту и направился к воде.

На брезенте, у самой кромки, лежало тело. Горелов подо-

шёл и замер.

Мужчина лет сорока пяти. Дорогой костюм — тёмно-синий, приталенный, явно сшитый на заказ. Шёлковый галстук в тонкую полоску. Запонки с тёмным камнем. На запястье — «Ролекс», настоящий или хорошая подделка. На ногах — итальянские туфли, безнадёжно испорченные водой. От трупа пахло рекой, тиной и тем сладковатым, тошнотворным запахом, который Горелов сразу узнал.

— Кто такой? — спросил он у полицейского, стоявшего рядом.

— Документов нет, но рыбаки говорят — Логинов. Дмитрий Логинов. Бизнесмен. У него пара магазинов в центре и доля в заводе.

— Рыбаки знают его в лицо?

— Тут все всех знают. Город маленький.

— Кто нашёл тело?

— Вон те двое. — Полицейский кивнул на рыбаков. — Сеть зацепилась за что-то тяжёлое. Думали — коряга, вытащили труп. Чуть не утопили от страха.

— С ними уже говорили?

— Поверхностно. Капитан велел дожидаться вас.

Горелов присел на корточки. Осторожно, кончиками пальцев, приподнял край пиджака. Под ним, на рубашке, расплылось тёмное пятно. При ярком свете фонаря, который держал криминалист, оно проступало отчётливо. Горелов наклонился ближе и увидел то, что ожидал: аккуратное

отверстие под правой лопаткой.

— Пулевое, — произнёс он.

Полицейский побледнел.

— Ему выстрелили в спину. Это не утопление.

Он выпрямился. У старых свай, нервно расхаживая взад-вперёд, стоял Коломиец. Заметив Горелова, капитан нахмурился и подошёл.

— Что у тебя?

— Огнестрел. Убили, потом сбросили в воду. Это не несчастный случай.

Коломиец выругался, сплюнул на доски и долго молчал.

— Ладно. Делай что должен. Но учти: я тебя предупреждал.

— Я учту.

Капитан развернулся и зашагал прочь. Горелов проводил его взглядом и повернулся к криминалисту — молодому парню в очках, который возился с фотоаппаратом.

— Продолжайте осмотр. Мне нужны все улики: каждый след, окурок, отпечаток.

— Понял, — кивнул тот.

Горелов подошёл к рыбакам. Они стояли у старой деревянной лодки с облупившейся краской и названием «Удача» на борту. Оба курили, передавая друг другу одну сигарету.

— Здорово, мужики. Я майор Горелов. Расскажите, как всё было. Подробно.

Тот, что был покрепче, затянулся и заговорил — глухо,

но твёрдо:

— Я Степаныч, это Михалыч. Мы тут каждую неделю рыбачим. Забросили сети, ждём. Тянем — тяжело идёт. Думали, коряга. А оно как дёрнется... Мы чуть из лодки не выпали. Смотрим — рука. Михалыч чуть не поседел. Я его веслом толкаю, а он сидит и слова сказать не может.

— Дальше?

— Дальше позвонили в полицию. Ну и Семёнову, журналисту. Он наш, грязевский, мы с ним иногда рыбачим. Решили — пусть напишет, может, толк будет.

— Во сколько приехали на причал?

— Часов в пять. Светло ещё было.

— Никого по дороге не видели?

Степаныч задумался, почёсывая затылок.

— Машина была. Чёрная. У поворота, где старая водокачка. Мы ещё удивились — чего ей там делать? Но внутрь не заглядывали.

— Марку запомнили?

— Не. — Он повернулся к напарнику. — Михалыч, ты не помнишь?

Худой рыбак молча покачал головой. Он за всё время не проронил ни слова.

— Чёрная. И всё.

Горелов сделал пометку в блокноте и кивнул:

— Спасибо. Пока будьте в городе, никуда не уезжайте.

— Да куда мы уедем, — усмехнулся Степаныч. — Мы тут

всю жизнь.

Он вернулся к телу. Криминалисты уже укладывали его на носилки. Горелов подошёл к женщине в белом халате, которая руководила процессом, — Ольге Николаевне, судмедэксперту. Ей было лет сорок, под глазами залегли тёмные круги, в зубах дымилась сигарета.

— Ольга Николаевна? Майор Горелов.

— А, тот самый. — Она выпустила струйку дыма. — Наслышана. Вы кому-то челюсть сломали.

— Было дело.

— Молодец. — Она затянулась, бросила окурок в воду. — Ну-с, что тут у нас?

— Мужчина, предположительно огнестрел. Мне нужно вскрытие как можно скорее. И доклад лично мне.

— Лично? — она приподняла бровь. — Обычно я отчитываюсь перед капитаном.

— Теперь будете отчитываться передо мной.

Ольга усмехнулась — горько, с привкусом многолетней усталости.

— Ладно. Но учтите: капитан мне уже звонил. Сказал — пиши «утопление» и забудь. Вы уж разберитесь там между собой, а я пока поработаю. Мне-то всё равно, что писать. Лишь бы зарплату платили.

— Пишите правду.

— Завтра к обеду будет отчёт. Если хотите раньше — приезжайте в морг. У меня там кофе есть. Растворимый, но бод-

рит.

Она ушла к машине. Горелов остался у воды. Подошёл Дима, отряхивая брюки от грязи.

— Артём Сергеевич, я опросил окрестных. Тут жителей — две бабки и сторож с лодочной станции. Но кое-что есть.

— Что?

— Сторож говорит, прошлой ночью видел на реке лодку. Без огней. Шла от причала к тому берегу. Он удивился — ночью тут никто не плавает, опасно. Мотор работал тихо, на вёслах никто не ходит. Он хотел окликнуть, но лодка уже скрылась.

— В каком часу?

— Около полуночи. Сказал, выглянул в окно — заметил силуэт. Решил, показалось, и лёг спать.

— Без огней, тихий мотор, ночь, — медленно проговорил Горелов. — Это профессионалы. Они знали, куда идут. Что со следами на причале?

— Почти ничего. Дождь смыл. Но нашли отпечаток ботинка у самой воды — большого, сорок шестого примерно. И окурок. «Парламент». У рыбаков таких нет, у сторожа — «Беломор».

— Уже зацепка. — Горелов задумался. — Убийца — профессионал, но торопился. Окурок бросил, след оставил. Не учёл, что тело может всплыть. Или не знал, что здесь каждую неделю рыбачат.

— А зачем сбрасывать в реку? Почему не закопать в лесу?

— В лесу труп может найти грибник. Или собака учует. А в реке, если повезёт, тело унесёт течением, и оно всплывёт где-нибудь далеко. Или не всплывёт вообще. Убийца рассчитывал, что его не найдут никогда.

— Но рыбаки нашли.

— Нашли, — согласился Горелов. — И теперь у нас есть шанс. Если не помешают.

Дима хотел спросить — кто, но осёкся. Он уже начинал понимать, как устроен этот город.

— Поехали в участок. Нужно оформить бумаги и начать работать по версиям. И найди мне всё по Логинову: кто такой, с кем связан, какие дела. Всё, что есть в базах и что можно накопать.

— Понял.

Они сели в машину. Сзади, на причале, гасли огни. Где-то за рекой лаяла собака. Горелов молча смотрел в окно. Он думал о том, что первый день в новом городе начался именно так, как он и предполагал. С трупа. С лжи начальства. С тайны, которая только начинала приоткрываться.

Завтра начнётся настоящая работа.

Глава 3. Первый след

Утро встретило Горелова серым светом, пробивавшимся сквозь немытые окна его новой квартиры. Однушка на окраине Грязевска, выделенная ему из фонда РОВД, была обставлена по-спартански: железная кровать с панцирной сеткой, которая скрипела при каждом движении, стол с облупившимся лаком, два стула, один из которых шатался, шкаф с перекошенной дверцей и холодильник «Орск», гудевший так, будто внутри у него работал маленький трактор. Из удобств — душ с вечно капающей водой и газовая плита, на которой он вчера вечером пытался сварить пельмени и в итоге просто залил их кипятком из чайника.

Он сел на кровати, потёр лицо ладонями и уставился в стену. За стеной, у соседей, играло радио — старая советская песня про комсомольцев-добровольцев. Где-то на улице лаяла собака. Город просыпался.

В Столинске у него была нормальная квартира. Двухкомнатная, с видом на парк, с балконом, на котором он когда-то пил кофе по утрам. Там жила бывшая жена с дочерью. Он платил алименты и старался не думать о том, что Катя, его девочка, которой сейчас уже четырнадцать, растёт без отца. Он видел её раз в полгода, и каждая встреча заканчивалась одинаково: она смотрела на него как на чужого, а он не знал,

что сказать.

Горелов тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли. Прошное — это прошное. Сейчас у него есть труп в реке и начальство, которое хочет списать его на несчастный случай. Этого достаточно, чтобы не думать о личном.

Он оделся, выпил растворимый кофе, который нашёл в шкафу (срок годности истёк год назад, но кого это волнует), и вышел на улицу.

У подъезда, на лавочке, сидел старик. Горелов заметил его ещё вчера, когда въезжал в квартиру, но не придал значения. Теперь, при дневном свете, он разглядел его как следует. Дед был старый — лет под восемьдесят, не меньше, — но держался прямо, и в его выцветших глазах светился живой, цепкий ум. Одет он был в старый, но чистый пиджак, на лацкане которого тускло поблёскивал значок «Ветеран труда». Рядом с ним на лавочке сидел здоровенный рыжий кот, который лениво щурился на солнце.

— Здорово, сосед, — произнёс старик, когда Горелов проходил мимо. — Ты, что ли, новый опер?

— Я.

— Слышал про Логинова. Убили его.

— С чего ты взял?

— А с того, что Логинов плавать не умел. — Старик сплюнул на землю. — Он воды боялся. Никогда бы сам в реку не полез.

Горелов остановился. Этот старик знал что-то, чего не

знали другие.

— Откуда ты знаешь Логинова?

— Я тут всех знаю. Шестьдесят лет на одном месте сижу. — Он затанулся и выпустил дым через нос. — Меня Дедом Сидоровым кличут. Можешь просто Дед. Я тут вроде как местная достопримечательность. Меня даже в газете как-то пропечатали — «Старейший житель Грязевска». Враки, конечно. Есть тут одна бабка, ей девяносто два. Но она из дома не выходит, так что я — самый старейший из тех, кто на лавочке сидит.

— И что ты знаешь про Логинова?

— Много чего. — Дед прищурился. — Но ты, опер, сначала скажи: ты серьёзно намерен это дело распутать? Или так, для галочки? А то я тут видал разных. Приезжали, бумажки перекладывали, уезжали. А ты, смотрю, не такой. Ты злой. Это хорошо.

— Я не злой. Я справедливый.

— Это одно и то же. — Дед снова затанулся. — Ладно, слушай. Логинов с Барсуковым в последнее время сильно грызлись. У них какие-то дела были на заводе. Не поделили. Я слышал, Логинов грозился в Столинск поехать, бумаги какие-то везти.

— Какие бумаги?

— Этого не знаю. Но он был мужик осторожный, Логинов-то. Я думаю, он где-то копии оставил. На всякий случай.

— Где?

— А вот это тебе, опер, самому выяснять надо. Я тебе не справочное бюро. — Дед усмехнулся. — Но начать советую с его дома. И с жены. Она, говорят, много знает, но молчит. Боится.

— Спасибо, Дед.

— Не за что. Ты это... если что — заходи. Я тут всегда сижу. У меня пенсия, делать нечего. Буду за тобой наблюдать. — Он подмигнул. — И вот ещё что. Ты поосторожнее с Коломийцем. Он мужик не плохой, но трусоват. Барсукова боится как огня. Если что — сразу к нему бежит докладывать.

Горелов кивнул и зашагал в сторону отдела. Значит, Барсуков. Эта фамилия всплывала уже третий раз за последние сутки. Сначала надпись на заборе, потом предупреждение Коломийца, теперь — рассказ Деда. Похоже, местный олигарх был ключевой фигурой в этом деле.

В отделе его уже ждал Дима. Лейтенант выглядел бодрым и даже успел где-то раздобыть два стаканчика кофе и бумажный пакет со свежими булочками. Форма на нём была, как всегда, безупречна, а волосы прилизаны.

— Доброе утро, Артём Сергеевич! — Он протянул Горелову стаканчик. — Я тут покопался в базах, пока вас ждал. На Логинова.

— И что нарыл?

— Дмитрий Сергеевич Логинов. Сорок семь лет. Предприниматель. Владел двумя продуктовыми магазинами в центре, имел долю в местном заводе — том самом, кото-

рый сейчас под Барсуковым. Разведён, детей нет. Жил с новой женой, Еленой Павловной, в собственном доме на Тихой улице. За последний год трижды привлекался к административной ответственности за мелкие нарушения — но это, скорее всего, формальность, просто кто-то из администрации давил.

— Что за нарушения?

— Просроченная лицензия на торговлю, несоблюдение санитарных норм. Мелочи, но каждая — повод для проверки. Судя по датам, его начали прессовать примерно год назад.

— Тогда же, когда они с Барсуковым разругались?

— Похоже на то. — Дима пролистнул свой блокнот. — Ещё есть информация от налоговой: Логинов пытался открыть новую фирму. «ЛогТранс». Заявка была подана за неделю до смерти. Но регистрацию заблокировали.

— Кто?

— Юрист Барсукова. Формально — несоответствие документов, но это стандартная отмазка.

Горелов задумался, отхлебнув кофе. Кофе был горячим и сладким — Дима, видимо, запомнил, что напарник пьёт без сахара, и всё равно добавил, потому что «так вкуснее».

— Значит, Логинов пытался выйти из-под Барсукова, начать своё дело. Барсуков давил. Логинов, судя по всему, собрал компромат и угрожал. А потом его убили. Пока всё сходится. Что ещё?

— Я нашёл адрес его жены. Они жили на Тихой улице, это частный сектор на южной окраине. Дом большой, кирпичный. Я проверил — она сейчас там.

— Поехали. Поговорим с вдовой.

Дом Логинова стоял на тихой улице, затенённой старыми тополями. Это был добротный двухэтажный особняк из красного кирпича, с ухоженным садом и высоким забором. Чувствовалось, что хозяин вкладывал в него душу и деньги: аккуратно подстриженные кусты, выложенная плиткой дорожка, кованые ворота с вензелем «Л». На газоне стояла каменная фигурка гнома, которая показалась Горелову неуместно весёлой.

У ворот их встретила женщина. Вдова Логинова, Елена Павловна, оказалась моложе мужа — лет тридцати пяти, не больше. Светлые волосы собраны в небрежный пучок, на лице — следы недавних слёз, которые она безуспешно пыталась замаскировать косметикой. Одета в чёрное платье, простое, но явно дорогое. В руках она комкала кружевной платок.

— Вы из полиции? — спросила она глухим голосом, в котором не было ни страха, ни удивления — только бесконечная усталость.

— Да. Майор Горелов, лейтенант Кораблёв. — Горелов показал удостоверение. — Мы можем войти?

Она посторонилась, пропуская их. Внутри дом был обставлен с претензией на роскошь: кожаные диваны, картины

на стенах (в основном пейзажи, явно купленные в салоне, а не переданные по наследству), хрустальная люстра в гостиной. В углу стоял камин, отделанный мрамором, но в нём давно не разводили огонь. В доме пахло лавандой и чем-то ещё — может быть, лекарствами.

— Когда вы видели мужа в последний раз? — спросил Горелов, усаживаясь в предложенное кресло.

— За день до... до этого. — Она снова всхлипнула, прижав платок к губам. — Он сказал, что у него важная встреча. Сказал, что всё скоро изменится. Что мы уедем отсюда.

— Куда?

— Не знаю. Он не говорил. Но он был... взволнован. И рад одновременно. Как будто что-то решилось. Я ещё спросила: «Дима, что случилось?» А он только улыбнулся и сказал: «Потом расскажу, Лена. Когда всё будет готово. Доверься мне». И ушёл. Больше я его живым не видела.

— У него были враги?

Она отвела глаза. Горелов заметил, как пальцы её сжались на платке.

— Он никогда не говорил о врагах. Но я знаю, что он конфликтовал с Барсуковым. Они раньше были партнёрами, а потом что-то не поделили. Дима говорил, что Барсуков — опасный человек. Что он не прощает обид.

— Ваш муж когда-нибудь упоминал, что у него есть документы, которые могут кому-то навредить?

Елена Павловна замерла. Всего на мгновение, но Горелов

это заметил.

— Нет. Никогда.

— Елена Павловна, — он подался вперёд и понизил голос, — я понимаю, что вы боитесь. Но ваш муж мёртв, и если мы не найдём того, кто это сделал, он может убить снова. Может быть, даже вас. Вы этого хотите?

Она долго молчала, глядя в пол. Потом подняла глаза, и Горелов увидел в них страх — не тот, что был раньше, а другой, более глубокий. Страх человека, который слишком долго держал тайну и наконец решился её выпустить.

— В кабинете, — прошептала она. — Там есть сейф. Но я не знаю кода. Дима никогда мне его не говорил.

— Мы можем взглянуть?

Она кивнула и провела их на второй этаж. Кабинет Логинова был обставлен с той же претензией на роскошь: дубовые панели, книжные шкафы, забитые не книгами, а папками с документами, массивный стол, на котором царил идеальный порядок. Сейф стоял в углу, замаскированный под тумбу, — старый, ещё советского образца, с круглой ручкой и потёртым кодом.

Горелов осмотрел его.

— Дима, вызывай криминалистов. Пусть вскрыют.

— Не надо, — вдруг сказала Елена Павловна. — Я знаю, где может быть код. Дима был человеком привычки. Он записывал всё в ежедневник. А ежедневник... он всегда носил с собой. Но иногда оставлял дома, в ящике стола.

Она подошла к столу, выдвинула верхний ящик и достала потёртый кожаный блокнот. Перелистнула несколько страниц и протянула Горелову. На одной из них было написано шесть цифр. Без пояснений, без подписи — просто цифры.

Горелов набрал код. Сейф открылся с тихим щелчком. Внутри лежали деньги — несколько пачек купюр, — какие-то документы и флеш-карта, приклеенная скотчем к внутренней стенке.

— Вот оно, — прошептал Дима.

Горелов взял флешку и повернулся к Елене Павловне.

— Спасибо. Вы очень помогли. Мы сделаем всё, чтобы найти убийцу.

— Я надеюсь, — ответила она. — Потому что если вы его не найдёте, он найдёт меня.

Они вышли из дома. Горелов молчал, прокручивая в голове разговор. Дима, шагая рядом, спросил:

— Думаете, она знала про сейф?

— Знала. Но боялась открывать. Возможно, правильно делала. Если бы она открыла его раньше, её бы уже не было в живых.

— Что теперь?

— Теперь — в участок. Посмотрим, что на флешке. И нужно узнать побольше о Барсукове. Этот человек — ключ ко всему.

Они сели в машину и поехали обратно. Горелов смотрел в окно и думал о том, что где-то в этом городе ходит убийца,

который думает, что он в безопасности. И зря.

Глава 4. Первые зацепки

Утро встретило Горелова серым светом, пробивавшимся сквозь немытые окна его новой квартиры. Однушка на окраине Грязевска, выделенная ему из фонда РОВД, была обставлена по-спартански: железная кровать с панцирной сеткой, которая скрипела при каждом движении, стол с облупившимся лаком, два стула, один из которых шатался, шкаф с перекошенной дверцей и холодильник «Орск», гудевший так, будто внутри у него работал маленький трактор. Из удобств — душ с вечно капающей водой и газовая плита, на которой он вчера вечером пытался сварить пельмени и в итоге просто залил их кипятком из чайника.

Он сел на кровати, потёр лицо ладонями и уставился в стену. За стеной, у соседей, играло радио — старая советская песня про комсомольцев-добровольцев, которую он помнил ещё с детства. Где-то на улице лаяла собака. Город просыпался.

В Столинске у него была нормальная квартира. Двухкомнатная, с видом на парк, с балконом, на котором он когда-то пил кофе по утрам. Там жила бывшая жена с дочерью. Он платил алименты и старался не думать о том, что Катя, его девочка, которой сейчас уже четырнадцать, растёт без отца. Он видел её раз в полгода, и каждая встреча заканчивалась

одинаково: она смотрела на него как на чужого, а он не знал, что сказать.

Горелов тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли. Прошлое — это прошлое. Сейчас у него есть труп в реке и начальство, которое хочет списать его на несчастный случай. Этого достаточно, чтобы не думать о личном.

Он оделся, выпил растворимый кофе, который нашёл в шкафу (срок годности истёк год назад, но кого это волнует), и вышел на улицу.

У подъезда, на лавочке, сидел старик. Горелов заметил его ещё вчера, когда въезжал в квартиру, но не придал значения. Теперь, при дневном свете, он разглядел его как следует. Дед был старый — лет под восемьдесят, не меньше, — но держался прямо, и в его выцветших глазах светился жизнью, цепкий ум. Одет он был в старый, но чистый пиджак, на лацкане которого тускло поблёскивал значок «Ветеран труда». Рядом с ним на лавочке сидел здоровенный рыжий кот, который лениво щурился на солнце и время от времени подёргивал ухом, отгоняя мух.

— Здорово, сосед, — произнёс старик, когда Горелов проходил мимо. — Ты, что ли, новый опер?

— Я.

— Слыхал про Логинова. Убили его.

— С чего ты взял? — Горелов остановился. Этот старик определённо знал больше, чем говорил.

— А с того, что Логинов плавать не умел. — Старик сплю-

нул на землю. — Он воды боялся. Никогда бы сам в реку не полез. Я его с детства знаю. То есть знал. — Он перекрестился. — Царствие небесное.

— Откуда ты знаешь Логинова?

— Я тут всех знаю. Шестьдесят лет на одном месте сижу. — Он затыкнулся и выпустил дым через нос. — Меня Дедом Сидоровым кличут. Можешь просто Дед. Я тут вроде как местная достопримечательность. Меня даже в газете как-то пропечатали — «Старейший житель Грязевска». Враки, конечно. Есть тут одна бабка, ей девяносто два. Но она из дома не выходит, так что я — самый старейший из тех, кто на лавочке сидит.

— И что ты знаешь про Логинова?

— Много чего. — Дед прищурился. — Но ты, опер, сначала скажи: ты серьёзно намерен это дело распутать? Или так, для галочки? А то я тут видал разных. Приезжали, бумажки перекладывали, уезжали. А ты, смотрю, не такой. Ты злой. Это хорошо.

— Я не злой. Я справедливый.

— Это одно и то же. — Дед снова затыкнулся. — Ладно, слушай. Логинов с Барсуковым в последнее время сильно грызлись. У них какие-то дела были на заводе. Не поделили. Я слышал, Логинов грозился в Столинск поехать, бумаги какие-то везти. Компромат, стало быть.

— Какие бумаги?

— Этого не знаю. Но он был мужик осторожный, Логи-

нов-то. Я думаю, он где-то копии оставил. На всякий случай. И ещё — у него бухгалтер был, Свиридов фамилия. Иван Семёнович. Тихий такой, в очках, всё время с калькулятором ходил. Он после смерти Логинова из города уехал. А может, и не уехал — может, спрятался где.

— Когда уехал?

— Да как раз в день смерти. Вечером ещё на автобус сажился, я сам видел. Он на автостанции чемодан тащил, белый как мел. Я ещё подумал — чего это он? А теперь вот думаю — неспроста.

Горелов запомнил это. Бухгалтер, который исчез в день смерти хозяина. Это не могло быть совпадением. Либо он знал что-то и бежал, спасая шкуру, либо его убрали вместе с Логиновым, но тело ещё не нашли. В любом случае, его нужно было найти.

— Спасибо, Дед.

— Не за что. Ты это... если что — заходи. Я тут всегда сижу. У меня пенсия, делать нечего. Буду за тобой наблюдать. — Он подмигнул. — И вот ещё что. Ты поосторожнее с Коломийцем. Он мужик не плохой, но трусоват. Барсукова боится как огня. Если что — сразу к нему бежит докладывать.

— Я учту.

Горелов зашагал в сторону отдела. Значит, Барсуков. Эта фамилия всплывала уже в пятый раз за последние сутки. Сначала надпись на заборе, потом предупреждение Коломийца, теперь — рассказ Деда и исчезнувший бухгалтер. По-

хоже, местный олигарх был ключевой фигурой в этом деле.

В отделе его уже ждал Дима. Лейтенант выглядел бодрым и даже успел где-то раздобыть два стаканчика кофе и бумажный пакет со свежими булочками. Форма на нём была, как всегда, безупречна, а волосы прилизаны.

— Доброе утро, Артём Сергеевич! — Он протянул Горелову стаканчик. — Я тут покопался в базах, пока вас ждал.

— И что нарыл?

Дима открыл свой неизменный блокнот.

— Дмитрий Сергеевич Логинов. Сорок семь лет. Предприниматель. Владел двумя продуктовыми магазинами в центре, имел долю в местном заводе — том самом, который сейчас под Барсуковым. Разведён, детей нет. Жил с новой женой, Еленой Павловной, в собственном доме на Тихой улице. За последний год трижды привлекался к административной ответственности за мелкие нарушения — но это, скорее всего, формальность, просто кто-то из администрации давил.

— Что за нарушения?

— Просроченная лицензия на торговлю, несоблюдение санитарных норм. Мелочи, но каждая — повод для проверки. Судя по датам, его начали прессовать примерно год назад, когда он разругался с Барсуковым.

— Что ещё?

— Я нашёл информацию по его водителю. Анатолий Пилипенко, сорок два года, живёт в частном секторе. Работал

у Логинова последние три года. Я подумал — может, допросим его? Водители обычно много знают.

— Хорошая мысль. — Горелов отхлебнул кофе. — Но сначала посмотрим, что на флешке.

Они прошли в кабинет, и Горелов вставил флешку в свой старенький ноутбук. На экране развернулась структура папок: «Завод», «Налоги», «Поставщики», «Личное». В каждой — десятки файлов. Сканированные копии договоров с подписями и печатями. Накладные, по которым через подставные фирмы выводились деньги. Банковские выписки.

Дима присвистнул.

— Ничего себе. Это ж целый архив.

— Логинов готовился к войне, — сказал Горелов. — Собирали всё, что мог. Барсуков узнал об этом и приказал его убрать.

— Думаете, это Барсуков?

— Уверен. Но нам нужны доказательства. Прямые. Показания свидетелей, орудие убийства. Без этого мы ничего не сможем предъявить в суде.

— С чего начнём?

— С водителя.

Водитель Логинова, Анатолий Пилипенко, жил на окраине, в частном секторе — покосившийся домик с синими ставнями. Во дворе стоял старый «Форд» без колёс, а на цепи гремел лохматый пёс, который заливался лаем при виде незнакомцев.

Толик оказался мужиком лет сорока, с мятым лицом и бегущими глазами. Он открыл дверь и тут же побледнел, увидев удостоверение Горелова.

— Я ничего не делал! — выпалил он.

— А мы разве говорим, что делал? — Горелов спрятал удостоверение в карман и, не дожидаясь приглашения, шагнул через порог. — Просто поговорить пришли.

Внутри дом был таким же неухоженным, как и снаружи. Облезлые обои, продавленный диван, телевизор на тумбочке, который бубнил что-то про погоду. Из кухни тянуло жареным луком. Где-то в глубине дома слышался старческий кашель — видимо, с Толиком жила ещё и престарелая мать.

— Когда вы в последний раз видели Логинова? — спросил Горелов, усаживаясь на шаткий стул.

— В тот день, когда его... ну, это... — Толик сглотнул. — Я его отвёз на встречу. К причалу. А сам уехал. Он сказал — ждать не надо, сам доберётся.

— С кем он встречался?

— Не знаю. Он не говорил.

— Толик, — Горелов подался вперёд и понизил голос, — ты понимаешь, что сейчас находишься в очень нехорошем положении? Ты был последним, кто видел Логинова живым. Если ты что-то скрываешь, я это узнаю. И тогда разговор будет уже не здесь, а в отделе. С протоколом и адвокатом. Ты этого хочешь?

Толик затряс головой.

— Я правда не знаю! Он сказал: «Толик, отвези меня к старому причалу. И езжай домой». Я отвёз и уехал! Клянусь!

— А до этого? Куда вы ездили за последнюю неделю?

— Ну... — Толик замялся, но под взглядом Горелова сдался. — Он ездил в Столинск. Два раза. Говорил, что встречается с каким-то журналистом. Ещё заезжал к Барсукову в офис. Они долго разговаривали, я ждал в машине почти два часа. А потом он вышел злой как чёрт. Никогда его таким не видел.

— О чём они говорили?

— Я не слышал. Но когда он сел в машину, то сказал: «Эта тварь думает, что может меня кинуть. Ничего, я ему устрою». И всё. Больше ничего.

— Ещё что-нибудь? — спросил Горелов. — Может, Логинов упоминал кого-то? Друзей, врагов, партнёров?

— Он говорил, что у него есть «страховка». Если с ним что-то случится — эти бумаги вскрыются и кое-кому не пойдёт. Но где — не знаю. Он никогда не показывал.

— Ладно, Толик. Если вспомнишь ещё что-то — звони. И мой тебе совет: никуда не уезжай из города. Ты нам ещё можешь понадобиться.

Когда они вышли на улицу, Дима спросил:

— Думаете, он не врёт?

— Не врёт. Но что-то недоговаривает. Чует моя задница — он знает больше, чем сказал. Надо будет наведаться к нему ещё раз.

— Что теперь?

— Теперь — к Ольге. Узнаем, что показало вскрытие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.